

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. Магарил

«Судьбу наций определяет
ум интеллигентский»

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Magaril_Tetr_53.pdf

Перепечатка с сайта Московской школы
политических исследований

<http://msps.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

«Судьбу наций определяет ум интеллигентский»

Интеллигенция — это слово не точно; значит не то, что хочет обозначать. Почему бы не остановиться на старом и привычном понятии «образованный человек».

В. Ключевский

*Сергей Магарил,
кандидат экономических наук,
факультет социологии
РГГУ*

Утверждение, вынесенное в заглавие, принадлежит первому русскому нобелевскому лауреату И. Павлову. Из него следует: какова интеллигенция, таково и государство. Действительно: кто учит будущую государственную бюрократию, если не университетская профессура? А каково государство — такова и судьба народа. В XX веке Россия дважды пережила распад государственности — последовательный крах двух социально-исторических проектов: имперского и социалистического, что повлекло огромные человеческие жертвы. В обоих случаях инициатором масштабных социальных сдвигов была интеллигенция. И в обоих случаях действительность оказалась бесконечно далека от ее ожиданий. Благополучия общества достичь не удалось, а слой просвещенных людей был вытеснен на социальную обочину, маргинализован и обращен в аутсайдеров. Это вынуждает признать: базовые представления образованных групп общества о российском социуме фундаментально не соответствуют реальным закономерностям существования и исторического движения этого социума. Отсюда с неизбежностью возникает вопрос: какое влияние на исторические судьбы России оказывает ее интеллигенция, претендующая на роль *носителя национального интеллекта*, гуманистических идеалов и ценностей.

Отторжение университета и «латинской» науки

Известно, что Русская православная церковь опасалась европейского рационально-критического знания. И во многом именно благодаря ее «стараниям»

первый российский университет опоздал по сравнению с первым европейским на 700 лет. Несмотря на тягчайшие последствия, этот фундаментальный факт отечественной социокультурной динамики должным образом все еще не осмыслен. Если первые 250 лет опоздания — следствие монгольского завоевания, то последующие 450 — результат противодействия церкви и находившихся под ее влиянием государей распространению знаний.

В Европе XII–XIV веков — это период массового учреждения университетов — подлинной школы национального самообразования и рационально-критического мышления. К XV веку в Европе насчитывалось уже 65 университетов, где помимо богословия изучали римское право, медицину, искусство, а в дальнейшем и естественные науки. Большинство университетов возникло на основе монастырских школ*.

В университетах переиздавали классиков античной мысли. Причем уже типографским способом, что весьма способствовало распространению знаний в обществе. Университетам, с самого их основания, принадлежала важнейшая роль в формировании и становлении рациональной правовой системы Запада; они внесли наиболее значительный вклад в преобразование исторически вчерашних варваров в законопослушных граждан правовых государств современной Европы.

Иное в России. Русская православная церковь отнюдь не стремилась воспитать в народе понимание ценности образования. Московская Русь в лице духовенства долго и упорно сопротивлялась распространению западной образованности, основы которой составляли экспериментальная наука, естествознание и философия. Церковные иерархи полагали, что обращение к достижениям человеческого разума вместо Священного писания вовлечет Россию во «тьму поганьских наук», поскольку ценность «человеческого разума несовместима с духовными ценностями православия**». Английский посланник в России в 1588 году Джильс Флетчер отмечает: священники «всеми средствами стараются воспрепятствовать распространению просвещения»***.

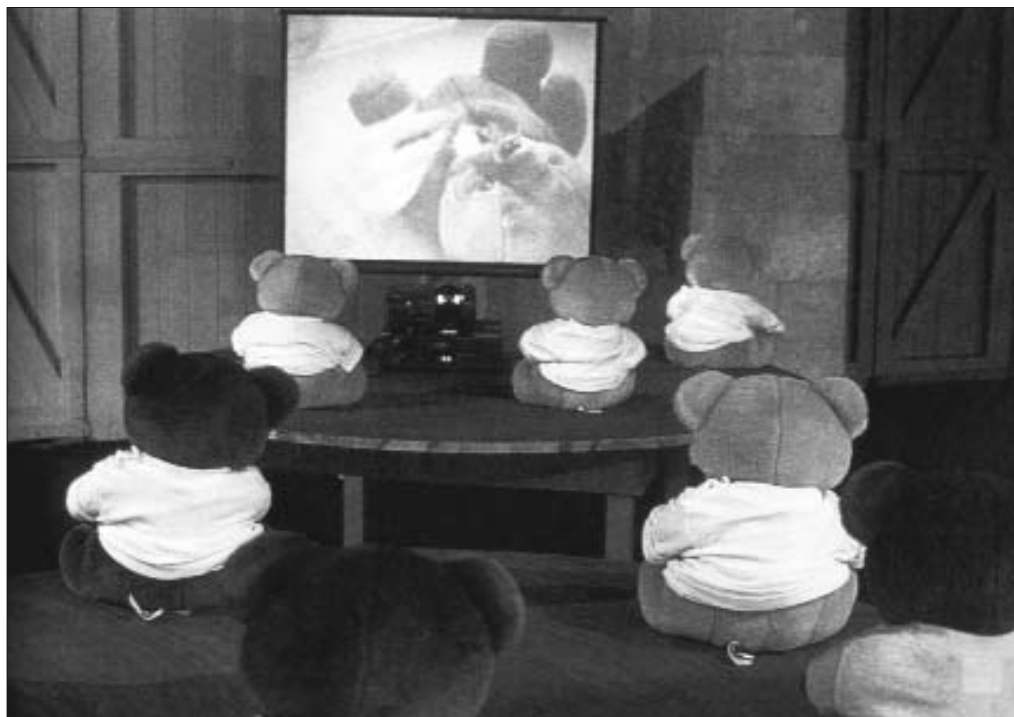
Верным союзником церкви в противодействии просвещению была и светская власть. В книге Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве» среди двенадцати разделов, описывающих различные стороны жизни Московской Руси XV–XVII веков, образование не упоминается — нет свидетельств. Зато есть свидетельства противоположного свойства. Упомянутый Флетчер в одном из писем в Лондон отмечает: «цари... не позволяют подданным выезжать из отечества, боясь просвещения, к коему россияне весьма способны, имея много ума природного»****.

* См.: *Культурология. Под науч. ред. д.ф.н., проф. Г.В. Драча. — Ростов-на-Дону: «Феникс», 2003. — С. 230.*

** Там же, с. 522–523.

*** Д. Флетчер. *О государстве русском. // Проезжая по Московии. — М.: Международные отношения, 1991.*

**** Н.М. Карамзин. *История государства российского. Т. 3. — М., 1983. — С. 146.*

Филипп Паррено. Рабочие столы I и II. 1995

Воинствующая ортодоксия церкви препятствовала формированию в массовом сознании представлений о ценности образования. Первый русский политэконом из крестьян Иван Посошков в «Книге о скудости и богатстве», написанной для Петра I, сетуя на неграмотность крестьян, советовал реформатору «поневолить крестьян», чтобы детишек учили грамоте. В «цыфирные школы», открытые по указу Петра I, недорослей набирали с превеликим трудом, и через 15 лет по смерти императора эти школы прекратили существование. Противодействие образованию церковь оказывала и в дальнейшем. Недаром, проектируя в 1760 году привилегии Петербургского университета, М. Ломоносов был вынужден включить статью: «обязать духовенство не ругать наук в проповедях»*.

Извечные ограничения, чинимые русскими властями в деле образования, а также общественные нравы первой трети XIX века весьма выразительно изобразил Карамзин: «Гнушаясь бессмысленным правилом удержать умы в невежестве, чтобы властвовать тем спокойнее, он (Александр I. — С.М.) употребил миллионы для основания университетов, гимназий, школ... К сожалению, видим более убытка казне, нежели выгод для Отечества. Выписали учителей, не приготовив уче-

* М.И. Сухомлинов. *Материалы по истории просвещения в России.* // Журнал Министерства народного просвещения, 1865, Октябрь. — С. 42.

ников... число их так невелико, что профессора теряют охоту ходить в классы. Вся беда от того, что мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства. В Лейпциге, в Геттингене надобно профессору только стать на кафедру — зал наполнится слушателями. У нас нет охотников для высших наук. Дворяне служат... купцы желают знать существенно арифметику или языки иностранные для выгод своей торговли. В Германии сколько молодых людей учатся в университетах для того, чтобы сделаться адвокатами, судьями, пасторами, профессорами! Наши стряпчие и судьи не имеют нужды в знании римских прав; наши священники образуются кое-как в семинариях и далее не идут»*.

Воззрения следующего императора, Николая I, на образование характеризует эпизод, относящийся к началу его царствования. По распоряжению Николая, желавшего уяснить причины восстания декабристов, Пушкин написал записку, так и не увидевшую свет при жизни поэта. По прочтении Николай соизволил глубокомысленно на ней начертать: «...Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению... безнравственному и бесполезному»**.

О вреде элементарной грамоты для русского народа порой высказывались люди весьма достойные, чье мнение немало значило в обществе. Вот суждение классика: «Учить мужика грамоте затем, чтобы доставить ему возможность читать пустые книжонки... есть действительно вздор. Главное уже то, что у мужика нет вовсе для этого времени... Народ наш не глуп, что бежит, как от черта, от всякой письменной бумаги... По-настоящему ему не следует и знать, есть ли какие-нибудь другие книги, кроме святых»***. И действительно, народ считал «чтение грамоты между смертными грехами»****. В итоге «грамотным ко времени освобождения крестьян было менее 10% населения»*****.

В 1850 году во всех университетах России училось всего 3018 студентов. При утверждении программ курсов требовалось, чтобы в лекциях «не было ничего, не согласного с учением православной церкви». Министр народного просвещения князь Ширинский-Шихматов был убежден: «Польза философии — не доказана, а вред от нее возможен». «Впредь все науки должны быть основаны не на умствованиях, а на религиозных истинах, связанных с богословием. И потому преподавание философии было прекращено, а преподавание логики и психологии возлагалось на профессоров богословия»*****.

* Н.М. Карамзин *Записки о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях*. Интернет-ресурс.

** А. Гудзенко. *Русский менталитет*. — М.: АиФ-Принт, 2003. — С. 120.

*** Н. Гоголь. *Русский помещик*. // *Собр. соч.* — М.: Русская книга, 1994. Т. 6. — С. 127–128.

**** М.М. Сперанский. *Портреты и записки*. — М.—Л., 1963. — С. 45.

***** Б.С. Пушкарев. *Две России XIX века. 1917–1993*. — М.: Посев, 2008. — С. 18.

***** *Высшее образование в России. Исторический очерк*. Под ред. В.Г. Кинелева. — М.: НИИВО, 1995. — С. 84–86.

Известный историк С. Соловьев писал: «Начиная с Петра и до Николая просвещение всегда было целью правительства. Век с четвертью толковали только о благодетельных плодах просвещения, указывали на вредные последствия невежества в суевериях. По воцарении Николая просвещение перестало быть заслугой, стало преступлением в глазах правительства»*.

Десятилетия спустя, русский писатель и философ Ф. Степун напишет о попечении умственного развития народа: «Народ вплоть до революции был огражден от влияния культуры не только исторически сложившимся убожеством своих хозяйственных форм, но сверх того, еще и просветительской политикой власти, стремившейся по своим корыстно-династическим соображениям держать Россию в темноте. В результате, при слабости русской буржуазии и “догнивающим на корню дворянстве”, решающую роль в революции сыграло культурно никак не воспитанное, культурно бесформенное... убогое... определенно религиозное мужичье сознание»**.

*Николай I: ...Нравственность,
прилежное служение, усердие
предпочестъ должно просвещению...
безнравственному и бесполезному*

Общественная атмосфера

Анна Тютчева, дочь поэта, — фрейлина Марии Александровны, супруги наследника престола, а затем императора Александра II, — выразительно обрисовала общественную атмосферу, насаждаемую императорским двором в тридцатилетнее правление Николая I. По мнению Тютчевой, император «был Дон-Кихотом самодержавия, Дон-Кихотом страшным и зловредным, потому что обладал всемогуществом, позволявшим ему подчинять все своей фантастической и устарелой теории и попирает ногами самые законные стремления и права своего века. От своего народа он требовал безусловную пассивную покорность...

Повсюду вокруг него в Европе под веянием новых идей зарождался новый мир, но этот мир индивидуальной свободы и свободного индивидуализма представлялся ему во всех своих проявлениях лишь преступной и чудовищной ересью, которую он был призван побороть, подавить, искоренить... Отсюда в исходе его царствования всеобщая глубокая деморализация всех разрядов чиновничества, безвыходная инертность народа в целом.

* С.М. Соловьев. *Мои записки для моих детей, а может быть и для других.* — СПб., 1914. — С. 114.

** Ф.А. Степун. *Мысли о России.* // *Новый мир*, № 6, 1991. — С. 223–224.

Николай нагромоздил вокруг своей бесконтрольной власти груды колоссальных злоупотреблений, тем более пагубных, что извне они прикрывались официальной законностью, и ни общественное мнение, ни частная инициатива не имели права на них указывать, ни возможности с ними бороться»*.

Поражение в Крымской войне (1853–1856 гг.) наглядно продемонстрировало техническую и социально-экономическую отсталость Российской империи.

Вскоре после окончания Крымской войны (в августе 1856 г.) Тютчева запишет в своем дневнике: «Я не могла... не задавать себе вопроса, какое будущее ожидает народ, которого высшие классы проникнуты глубоким растрепанием благодаря роскоши и пустоте и совершенно утратили национальное чувство и особенно религиозное сознание... Низшие же классы погрязают в рабстве, в угнетении и систематически поддерживаемом невежестве»**. Дальнейший ход истории наглядно продемонстрировал: опасения фрейлины были более чем правомерны.

Славянофилы: откуда, куда и почему?

При чтении подобных свидетельств современников о характере социально-властных отношений первой половины отечественного XIX века возникают естественные вопросы. Как в этой общественной атмосфере оказались возможны представления славянофилов — интеллектуалов своего времени — о той выдающейся роли, роли интеллектуального и духовного лидера Европы, которую они в обозримом будущем пророчили России? О том, что именно России предстоит вести за собой европейские народы?

Каким образом архаика многомиллионного населения, о котором К. Кавелин писал: «огромная, несметная масса мужиков, не знающих грамоте, не имеющих даже зачатков религиозного и нравственного наставления»***, могла, в представлении славянофилов, трансформироваться в потенциал общеевропейского духовно-нравственного обновления?

Выразительны наблюдения посла Франции в предреволюционной России М. Палеолога: «Социальный строй России проявляет симптомы грозного расстройств и распада. Один из самых грозных симптомов — та пропасть, которая отделяет высшие классы русского общества от масс. Никакой связи между двумя этими группами; их разделяют столетия»****.

Чему могла научить европейцев Россия, не освоившая, как показал XX век, ни идеалов христианского гуманизма, ни идеи права, ни идеи

* А. Ф. Тютчева. *При дворе двух императоров*. — М.: Мысль, 1990. — С. 34–36.

** Там же, с. 146–147.

*** К. Д. Кавелин. *Собр. соч. в 4 томах. Т. 1*. — СПб., 1897. — Стлб. 154.

**** М. Палеолог. *Царская Россия во время мировой войны*. — М., 1990. — С. 31.

Эрвин Вурм. НЛО. 2006

развития? Малочисленные образованные группы российского общества создали величайшую культуру, всемирно признанную русскую литературу. Однако это оказалось отнюдь не тождественно освоению этой же культуры многомиллионным народом России. И потому закономерно, что выдающаяся отечественная гуманистическая литература XIX века не оказала существенного гуманизирующего влияния на российский XX век.

Славянофилы надеялись, что Европа добровольно признает «превосходство» России? И это после того, как из группы юношей, посланных Борисом Годуновым в Европу для обучения, не вернулся ни один? Или, как позднее писал Г. Котошихин: «Для науки... в иные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веры и обычаи и вольность благую, начали б свою веру отменять и приставать к другим и о возвращении к домам своим никакого бы попечения не имели и не мыслили...»*.

Приведенные соображения неизбежно приводят к вопросу о том, какие методы, способы, приемы видели и намерены были использовать славянофилы для того, чтобы неграмотная Россия убедилась, суме-

* *О России в царствование Алексея Михайловича. Сочиненье Григория Котошихина. Изд. 4-е. — СПб., 1906. — С. 53.*

ла убедить в своем превосходстве, более образованную, культурно и технически продвинутую, но, по мнению славянофилов, «загнивающую» Европу? Не оставляющие сомнений ответы дают сами носители идеи «особой исторической судьбы», особого предназначения России. Осмысливая носившиеся в общественной атмосфере идеи панславизма, Тютчев напишет:

*Москва, и град Петров, и Константинов град —
Вот царства русского заветные столицы...
Но где предел ему? и где его границы —
На север, на восток, на юг и на закат?
Грядущим временам судьбы их обличат...*

*Семь внутренних морей и семь великих рек...
От Нила до Невы, от Эльбы до Китая,
От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная...
Вот царство русское... и не пройдет вовек,
Как то предвидел Дух и Даниил прорек.*

Едва ли можно усомниться, что подобные соображения об особой миссии России, ее особом историческом пути опирались на патриотические воспоминания о военных успехах России со времен Петра I и в том числе о победоносных русско-турецких войнах времен Екатерины II. Однако в XIX веке никакие государства: ни на Ганге, Ефрате или Босфоре, ни даже на Эльбе и Дунае — уже не изъявляли желания добровольно войти в состав Российской империи. И если принять во внимание действия России в Царстве Польском, то единственным практическим способом основать всеславянское православное царство со столицей в Константинополе оставалась военная экспансия. Отнюдь не случайно известный историк М. Погодин вопрошал: «Может ли кто состязаться с нами и кого не принудим мы к послушанию? Не в наших ли руках судьба мира, если только мы захотим решить ее?»*.

Подлинным идеологом вселенского превосходства русских был гениальный Достоевский. Устами Шатова, одного из героев «Бесов», он заявил: «Если великий народ не верует, что в нем одна истина (именно в нем одном и именно исключительно), если не верует, что он один призван всех воскресить и спасти своею истинной, то он тотчас же перестает быть великим народом и тотчас же обращается в этнографический материал... Истинный великий народ никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве и даже с первостепенною, а непременно и исключительно с первою... Но истина одна, а стало быть, только единый из народов может иметь Бога истинного... Единый народ-богоносец — русский народ»**.

* М.П. Погодин. Сочинения, т. 4, б.д. — С. 7.

** Ф.М. Достоевский. Собр. соч. в 30 томах. Т.10. — Л.: Наука, 1974. — С. 199–200.

Правда, в дальнейшем представления о русском народе как народе глубоко и искренне приверженном православию, носителе высокой нравственности и духовности подверглись переосмыслению. По мнению академика Ю. Пивоварова, реально столкнувшись с целым рядом «коренных исторических черт, психологических комплексов, утопий и пр. русского человека», интеллигенции пришлось сполна убедиться в «невысоком моральном качестве русского народа»*.

Отмеченное устойчивое воспроизводство нежизнеспособных утопий нуждается в объяснении. Одно из возможных связано с многовековым опозданием России с учреждением университетского образования.

Ректор Московской выс-

шей школы социальных и экономических наук, англичанин Т. Шанин в одном из своих выступлений отметил: «Одной из особенностей России, которая особенно видна мне как иностранцу, является та мера, в которой российская интеллигенция думала через литературу — больше через литературу, чем через социальные науки. В XIX веке очень многое из того, что в англосаксонских странах определялось через социальные науки: социологию, экономику и так далее, в России определялось через русскую литературу»**.

*Представления о русском народе
как народе глубоко и искренне
приверженном православию, носителе
высокой нравственности и духовности
подверглись переосмыслению*

Республика Советов — модификация идеи Третьего Рима

Казалось бы, итог идейному развитию славянофильства указал еще В. Соловьев, утверждавший: «Глубочайшей основой славянофильства была не христианская идея, а только зоологический патриотизм... делающий из нации предмет идолослужения»***.

Однако идее «особого пути России» предстояла еще не одна метаморфоза. Потерпев неудачу в реализации мессианской идеи в ее имперско-православной ипостаси, средневековая концепция «Москва — Третий Рим», совершив очередную мутацию, возродилась в социалистической версии: «Советский народ — авангард прогрессивного человечества; строитель коммунизма — светлого будущего всего человечества».

Все семьдесят четыре года диктатуры «пролетариата» пришедшая к

* Ю.С. Пивоваров. *Истоки и смысл русской революции. // Правовая и политическая культура России: прошлое, настоящее, будущее.* — Новосибирск: СИБАГС, 2008. — С. 62, 56.

** Т. Шанин. *Лекция «История поколений и поколенческая история России».* Прочитана 17 марта 2005 г. в дискуссионном клубе интернет-портала «Полит.ру», www.polit.ru/lectures/2005/03/shanin.html

*** В.С. Соловьев. *Соч. в 2 томах. Т. 1.* — М.: Изд-во «Правда», 1988. — С. 630–631.

власти контрэлита принудительно насаждала в обществе мифологическое сознание. В сопровождении то искреннего энтузиазма, то массового террора и постоянной угрозы государственного насилия выходцы преимущественно из маргинальных слоев вели многомиллионный народ России от утопии к утопии: ожидание мировой революции — построение социализма — созидание коммунизма — и... вновь социализма, но уже с человеческим лицом. История все эти социальные проекты отвергла. Беспрецедентный случай: советская сверхдержава рассыпалась в условиях мирного времени, в отсутствие критически значимых внешних угроз, защищенная мощным ракетно-ядерным потенциалом и обладая неоспоримым государственным суверенитетом. С тяжестью и остротой внутренних проблем не справилась ее политически-монополярная система управления. Мифологическое сознание мстит беспощадно.

Крах советского социалистического проекта наглядно засвидетельствовал: никакого духовного импульса со стороны России, как о том грезили славянофилы, Европа не получила. Более того, уже к концу XX века претензии на «особость» выглядели крайне двусмысленно. Россия проходила и проходит те же исторические этапы, что и другие европейские страны: период удельной раздробленности, создание централизованного государства; утверждение и ликвидация крепостного права; переход от аграрного общества к индустриальному; урбанизация; секуляризация; ликвидация неграмотности и создание системы высшего образования; массовое овладение технико-технологическими знаниями; создание современных средств коммуникации и т.п.

«Особость» российского пути проявляется в основном в стремлении уклониться от общеевропейской траектории исторического развития, в периодической потере темпа развития и сваливании в ловушку застоя. К реформам приступали с большим опозданием и нередко после военного поражения. С учреждением университетского образования в сравнении с Европой опоздали на многие столетия; реформы носили половинчатый, а потому затянутый характер. Неграмотное население новшеств опасалось и намерениям реформаторов противилось. Провозглашенных целей реформы, как правило, не достигали, и через весьма непродолжительное время — 30–35 лет «отстающего развития» — вновь возникала потребность в «догоняющей модернизации». Фактически в России сформировался двухтактный исторический цикл: «рывок — застой». И если до середины XX века он обеспечивал нашей стране пребывание в числе мировых лидеров, то начиная с 1970-х годов Россия все дальше откатывается на мировую периферию. Реформаторам, будь то имперская бюрократия, большевики или постсоветские радикал-либералы, ни разу не удалось запустить самоподдерживающийся процесс технико-технологической и социально-экономической динамики, обладающий эффективной внутренней мотивацией и необходимой устойчивостью.

Фабрис Ибер. Ибермаркет. 1995

Куда идти и что делать?

Семь десятилетий социальной некомпетентности, принудительно поддерживаемой коммунистическим режимом, не прошли бесследно. К концу XX века даже образованные люди России имели по преимуществу неадекватные представления о советском обществе и возможных пределах его трансформации. И потому абсолютно большая часть российской, постсоветской интеллигенции оказалась политически незначима. Реалии постсоветской России наглядно продемонстрировали: дезориентированная и политически аморфная массовая интеллигенция очень быстро утратила способность влиять на ход событий и политику властей. Социальная мифология, деформируя не только массовое сознание, но и сознание образованных групп, не проходит бесследно. Эпоха строительства коммунизма, начатая циничным лозунгом «Грабь награбленное», закономерно завершилась масштабным ограблением самих строителей коммунизма. Социально-экономические результаты преобразований убедительно свидетельствуют: постсоветская бюрократия, за ширмой демократических лозунгов, осуществила реформы в интересах собственного обогащения, успешно заместив ими интересы национального развития при полной беспомощности общества, в том числе его образованных групп.

В очередной раз подтвердился известный тезис политических наук: социальные группы, неспособные сформулировать отчетливую поли-

тику в защиту своих интересов, неспособные сформировать организационные структуры для реализации этой политики, неизбежно оттесняются на социальную обочину, подвергаются эксплуатации и деградируют. Именно это и произошло с массовой российской интеллигенцией.

Стремясь сохранить элементарно приемлемый жизненный уровень и неспособная в силу общественно-политической разобщенности про-

тивостоять аморализму, транслируемому с верхних этажей социальной пирамиды, массовая интеллигенция встала на путь негативной адаптации. Об этом свидетельствуют выборы в средней школе, системе медицинского обслуживания и в святой святых интелли-

В постсоветской России дезориентированная и политически аморфная интеллигенция утратила способность влиять на ход событий и политику властей

генции — в отечественной высшей школе. Кто же в таком случае может и должен предложить массовым слоям населения образцы социально одобряемого поведения, более того — общественные идеалы?

Что могут предъявить обществу в качестве результатов своей профессиональной деятельности носители социогуманитарного знания? Политическая культура населения находится на крайне низком уровне; общая культура и образование деградируют; правосознание — не воспитано; способность к самоорганизации, созданию структур гражданского общества и цивилизованным солидарным действиям — в зачаточном состоянии; взаимное доверие людей — и оно существенно ниже, чем в европейских странах; историческая ответственность за общенациональное будущее большинством населения отторгается; духовность, понимаемая как гуманистические идеалы и ценности, также массово не освоена. Более того, результаты постсоветских реформ отчетливо свидетельствуют: социогуманитарной интеллигенции не удалось вырастить высокоинтеллектуальную национальную административно-политическую элиту, способную взять на себя ответственность за историческое будущее России в XXI веке.

Отсюда — настоятельная задача российской интеллигенции, и прежде всего ее социогуманитарной корпорации: наращивание рационального знания о российском социуме и настойчивая трансляция этого знания в общество. В связи с этим возникает проблема качества социогуманитарного знания, предлагаемого студенческой аудитории. Нередко это так называемые политтехнологии, использование которых в обществе полуархаичной политической культуры неизбежно вырождается в манипулирование профанным сознанием. Однако никому и нигде не удалось утвердить демократию в отсутствие необходимого множества демократически мыслящих граждан. В XXI веке в

Кадер Аттия. Без названия. 2006

стенах высшей школы студенты должны получать не только актуальные знания для решения технических проблем.

В этом контексте уместно привести слова М. Сперанского: «Самые благотворные усилия политических перемен нередко сопровождаемы неудачами, когда образование гражданское не предуготовило к ним разум». Судя по результатам постсоветских трансформаций, за прошедшие 200 лет мы не слишком преуспели. И потому необходимо, чтобы студенты получали знания, позволяющие рационально-критически осмысливать сложнейшие общественно-политические проблемы современной России. Со студенческой скамьи молодежь должна отчетливо знать: без реальной политической конкуренции невозможно создать эффективную систему стратегического национально-государственного управления, а потому и обеспечить поступательное, восходящее развитие общества.

Современная ситуация внушает немалые опасения. Аналитический доклад Института комплексных социальных исследований РАН, одного из центров отечественной социологии, начала 2000-х годов зафиксировал: воспитывать у детей демократические ценности считают важным лишь в 1% современных российских семей, а формировать гражданственность и убеждения — менее чем в 7% семей*.

* *Богатые и бедные в современной России. Аналитический доклад ИКСИ РАН. — М., 2003.*

С начала постсоветской трансформации прошло без малого 20 лет. Ежегодно высшая школа выпускает порядка миллиона специалистов. Многим из них прочитаны курсы политологии, социологии, отечественной истории, права, культурологии... Полки книжных магазинов ломятся от учебной, аналитической и публицистической литературы. Казалось бы, студенческая молодежь должна нести в жизнь гражданское самосознание. Однако на излете второго десятилетия реформ апатичное общество, понукаемое «элитами», вновь послушно и безропотно повернуло в привычную, исторически тупиковую авторитарную колею. Теоретически были возможны и другие сценарии трансформации, однако, в соответствии с принципом Лейбница, «для иного развития событий не оказалось достаточных оснований». И одно из таких отсутствующих оснований — уровень отечественных социальных наук и производное от него качество социогуманитарной подготовки выпускников высшей школы. Дезориентация вузовской интеллигенции влечет за собой особо тяжелые последствия.

Архаика отечественной политической культуры не может не вызывать опасений. Анализируя причины, повлекшие гибель российской многопартийности в начале XX века, исследователи констатируют глубокую аналогию современным реалиям: отсутствие массовой социальной базы политических партий. Партии не стали реальным фактором политической жизни. Вместо многопартийности вновь возникла мелкопартийность. Лидеров партий отличала та же характерная неспособность и нежелание находить компромиссы с целью создания устойчивых политических союзов*.

В этом контексте представляет интерес сравнение российской *интеллигенции* и западных *интеллектуалов*. В общественном мнении России широко распространено представление, согласно которому коренное отличие названных групп состоит в том, что интеллигенция озабочена проблемами общества, а интеллектуалы — лишь собственным благополучием. Однако это не соответствует действительности. Интеллектуалы Запада, совместно с представителями других социальных групп, сумели создать сильные, влиятельные политические партии. Это позволяет им активно влиять на формирование законодательства, продвигая в него общественно-значимые интересы, и тем самым обеспечивать решение актуальных проблем социума, поддерживать макросоциальный баланс интересов, а потому и социально-политическую стабильность общества. Российской интеллигенции еще предстоит освоить этот общедемократический образ мысли и действия.

Ключевский предупреждал: отечественная история, в сущности, не учит ничему; она только наказывает за невыученные уроки.

* См.: Л. Сморгунов, В. Семенов. *Политология*. — Спб., 1996. — С. 170–171.